

Папа Ли нахмурился:

— Стоит только заговорить о нём, как он сразу такой! Ты бы хоть как-то его приструнил! Каждый раз я оказываюсь плохим, а ты с ним заодно...

Папа Ли переключил внимание, и даже тятя Ли уже хотел уйти. Но если он уйдёт, его ожидает совсем иная участь, чем Ли Яня. Ли Янь дома останется любимчиком, а он вернётся лишь к холодным взглядам.

После того как мастер фэншуй рассчитал их бацзы, он объявил, что они созданы друг для друга, что привело в восторг обе семьи.

Чжан Шу, однако, считал, что этот мастер фэншуй, вероятно, просто болтал чепуху. В прошлой жизни, когда его бацзы и бацзы той женщины свели, разве не говорили, что они идеальная пара?

Но, в конце концов, главное, чтобы родители были счастливы.

После того как бацзы совпали, сваха Линь выбрала благоприятный день — 27 сентября, чтобы отправить свадебные подарки. Все согласились, так как приближалась пора сбора урожая.

Рис на полях постепенно желтел, тяжёлые колосья склонялись вниз, и все были рады. Ведь ради чего весь год трудились? Именно ради этих урожаев.

Выбрав ясный день, все взяли серпы и отправились на поля.

Вода на полях была спущена несколько дней назад, и теперь, ступая по земле, ноги не проваливались. Однако сухие стебли риса были колючими и царапали руки.

Бабушка Чжан, беспокоясь за Чжан Шу, приготовила для него и дедушки Чжана тряпичные обмотки для рук. Это защищало их от порезов.

Чжан Шу, согнувшись, методично срезал стебли риса. Крупные капли пота стекали с его лба и мгновенно испарялись под палящим солнцем.

Золотистые волны рисовых полей, где каждые несколько метров виднелись люди в простой одежде, согнувшиеся над работой. С течением времени жара усиливалась, на небе не было ни облачка, и ни одно дерево не давало тени.

Спина Чжан Шу была мокрой насквозь. Если бы он сейчас снял рубашку, из неё можно было бы выжать воду.

Его горло пересохло, но он не останавливался. Чем больше он срезал, тем меньше приходилось работать дедушке.

— Чжан Шу! Чжан Шу!

Ли Муцзинь выбежал из дома с кувшином воды. Это была вода, которую он только что набрал из колодца, прохладная и освежающая. Вода Чжан Шу, вероятно, уже нагрелась на солнце.

— Муцзинь?

Чжан Шу поднял голову, вытер лицо рукавом и выпрямился, глядя на Ли Муцзиня.

— Попей воды!

На носике кувшина был надет бамбуковый стаканчик, и Ли Муцзинь налил воду, поднеся её прямо ко рту Чжан Шу.

Руки Чжан Шу были покрыты травяной пылью, но он не стал их вытирать, а просто выпил воду из рук Ли Муцзиня. Тот слегка приподнялся на цыпочки, наблюдая, как что-то на шее Чжан Шу двигалось в такт глоткам. Его взгляд был полностью поглощён этим.

Он протянул руку и коснулся шеи Чжан Шу, отчего тот резко отпрянул назад.

— Муцзинь, что ты делаешь?

— Просто трогаю. Разве нельзя, Чжан Шу?

Только сейчас Чжан Шу понял, что ему показалось странным.

— Почему ты больше не называешь меня «старший брат Шу»? Ты же звал меня так много лет.

— Потому что ты больше не старший брат...

Ли Муцзинь опустил голову и тихо произнёс. Чжан Шу хотел быть с ним близким, поэтому перестал называть его «маленький Муцзинь». Естественно, он тоже не мог продолжать использовать прежнее обращение.

Почему же он больше не старший брат? Он ведь всё ещё старше Муцзиня. В глазах Чжан Шу мелькнуло недоумение, но если Муцзиню так хочется, пусть будет по его.

— Тогда не называй меня просто Чжан Шу, это звучит слишком формально.

Ему это было непривычно.

— А как тогда?

Ли Муцзинь немного смутился. Неужели называть его одним словом? Он бы не смог.

— Зови меня, как все остальные, — А Шу.

— Ладно...

Ли Муцзинь не был до конца удовлетворён, но другого варианта он не придумал.

Чжан Шу снова попил из его рук, а затем спросил дедушку, не хочет ли тот воды. Получив отрицательный ответ, он попросил Ли Муцзиня вернуться домой:

— Здесь жарко, иди домой.

— Ничего, я не боюсь солнца!

У семьи Ли не было рисовых полей, только несколько огородов, так что сбор урожая их особо не касался.

— Слушайся, а то загорись!

Чжан Шу нахмурился. Он знал, как тяжело работать в поле под палящим солнцем, и не хотел,

чтобы Ли Муцзинь страдал от жары.

— Если я загорю, ты меня разлюбишь?

Ли Муцзинь выпалил это и сразу покраснел.

Чжан Шу с улыбкой посмотрел на него.

— Буду любить, что бы ни случилось. Просто мне будет жаль тебя.

Эти простые слова заставили обоих покраснеть до корней волос.

Ли Муцзинь, оглядываясь через каждые несколько шагов, наконец ушёл домой, уговоренный Чжан Шу. Он решил, что в следующем году не позволит Чжан Шу работать одному. Он тоже молод и сможет помогать в поле. Тогда и дедушке не придётся выходить на работу — они справятся вдвоём.

Чжан Шу продолжал срезать рис, но его мысли были уже далеко, у Ли Муцзиня.

Он уже решил сменить род занятий. Хотя сейчас он мог прокормить себя, работая в поле и подрабатывая в городе в свободное время.

Хотя урожая с арендованных участков хватало на пропитание семьи, молодому парню за двадцать лет жить только на ренту было не слишком почётно.

В прошлой жизни из-за споров о размере арендной платы та женщина разругалась с арендаторами, и несколько участков остались заброшенными, так как, кроме него и старшего брата, все в семье привыкли не работать в поле.

Если в этой жизни вдруг что-то случится и участки не удастся сдать в аренду, как они будут жить? Хотя Муцзинь, конечно, пойдёт с ним в поле, но он не мог допустить этого. Его мечта в этой жизни — заботиться о Ли Муцзине и избавить его от страданий прошлой жизни.

Поэтому смена работы была необходима. Только стабильный доход мог дать ему спокойствие.

Собранные стебли риса перевозили на телегах и раскладывали на площадке для сушки. Старики время от времени переворачивали их, чтобы они равномерно просохли. После этого можно было обмолотить рис с помощью ступы.

У Чжан Шу и его семьи было немного собственных полей, и за два дня они собрали весь урожай.

После двух дней сушки рис был полностью готов.

Чжан Шу взял охалку риса, согнул руку и с силой ударил по ступе. Золотистые зёрна посыпались вниз, и через несколько ударов рис был полностью обмолочен.

Когда Чжан Шу было четырнадцать или пятнадцать лет, старики обмолачивали рис вручную, и после этого на их руках появлялись волдыри, которые заживали несколько дней. А его дядя, как только начинался сбор урожая, уезжал помогать теще и возвращался только через две недели, чтобы воспользоваться готовым урожаем. Поскольку семьи разделились, они должны были платить налоги за два хозяйства, и каждый раз это делали дедушка с бабушкой.

Вспоминая это, Чжан Шу чувствовал гнев, и от этого его удары становились ещё сильнее.

Золотистые зёрна сыпались в ступу, как дождь, а бабушка Чжан черпала их ковшом, с гордостью думая: «Какой сильный у меня внук!»

В этом году погода была благосклонна, и с момента сбора урожая до обмолота не было ни одного дождя.

Старейшины деревни говорили, что это благодаря удачному ритуалу сожжения башни в середине осени. В отличие от прошлого года, когда внезапно поднялся ветер, развеявший пепел, и в конце сбора урожая пошёл дождь.

К счастью, большинство уже собрали урожай, и все вышли в поле, чтобы спасти оставшееся. Иначе около десяти му полей, которые ещё не были убраны, наверняка промокли бы под дождём.

После сбора урожая в каждом доме ели свежий рис, и аромат готовящейся еды разносился по всей деревне, вызывая невероятный аппетит.

Семья Ли Муцзиня всегда покупала рис и муку. В этом году у них появились будущие родственники, и как только рис Чжан Шу высох, они принесли им большой мешок, чтобы они тоже попробовали свежий рис.

Семья Ли сначала отказывалась, но в конце концов приняла подарок. После этого они время от времени отправляли Ли Яня с дичью — фазанами или зайцами — чтобы угостить семью Чжан.

<http://bllate.org/book/16721/1537424>